

Шеппинг Дмитрий Оттович

**Русская народность в ее
поверьях, обрядах и сказках**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Д53

Д53 **Дмитрий Оттович Ш.**
Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках / Шеппинг Дмитрий
Оттович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 213 с.

ISBN 978-5-521-30998-6

ISBN 978-5-521-30998-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

живыхъ и мертвыхъ, языковъ и нарѣчій. Вотъ почему, въ предложенныхъ здѣсь статьяхъ, мы старались, по возможности, избѣгать этихъ ученыхъ пріемовъ, запугивающихъ публику своимъ классическимъ педантизмомъ. Мы писали не для ученыхъ спеціалистовъ, знающихъ гораздо болѣе насъ по этимъ предметамъ, но для той части нашей читающей публики, которая, сочувствуя возрожденію Русской народности, начинаетъ сознавать потребность изученія нашей самобытной жизни во всѣхъ ея бытовыхъ проявленіяхъ. Этой публикѣ нуженъ не полный сводъ всѣхъ историческихъ фактовъ и ученыхъ данныхъ, — нужно сознаніе скрытаго въ нихъ народнаго духа.

Предлагаемыя нами здѣсь изслѣдованія не составляютъ одного общаго цѣлаго, по виѣшней формѣ и предметамъ нашихъ изысканій; но между тѣмъ всѣ эти отдѣльные отрывки соединены между собою одной невидимой нитью общаго духовнаго міросозерцанія древней до-исторической Руси. Вглядимся ли мы въ значеніе обрядныхъ праздниковъ Купалы и Коляды, или станемъ отыскивать, подъ баснословной оболочкой чудесныхъ приключеній нашихъ сказочныхъ героевъ, древнѣйшій сокровенный смыслъ этихъ сказаній, вездѣ мы встрѣтимъ глубокую наблюдательность и твердое познаніе вѣчныхъ истинъ и неизмѣнныхъ законовъ природы, вездѣ отыщемъ торжество челоѣка и его духовнаго міра надъ случайностями жизни, и освященіе этихъ случайностей ежедневнаго житейства высокѣмъ сознаніемъ нравственнаго значенія челоѣка.

Этимъ разрозненнымъ изслѣдованіямъ (появившимся въ печати отчасти и прежде) мы предпосылаемъ нынѣ еще нѣсколько словъ собственно о Славяно-Русской мифологіи, ея ученой литературѣ, и важнѣйшихъ коренныхъ

IV

началахъ вѣросознанія нашего язычества. Конечно, и здѣсь мы далеки отъ мысли обнять этимъ бѣглымъ обзоромъ всю научную полноту фактическихъ свѣдѣній о Русской мѣологiи, и единственная цѣль наша въ этомъ изложенiи—осмыслить имъ внутреннюю связь различныхъ вопросовъ, не имѣвшихъ, по первому взгляду, ничего общаго между собою, но близкихъ другъ къ другу въ духовномъ міросозерцанiи Русскаго народа.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ РУССКОЙ МИѦОЛОГІИ.

Языческія вѣрованія Славянскаго народа вообще можно раздѣлить на три племенные области мѣстическихъ преданій: южныхъ, западныхъ и восточныхъ (Русскихъ) Славянъ. Эти области хотя и тѣсно связаны, какъ филологическимъ еродствомъ языка, такъ и общими между ними обычаями и обрядами, но тѣмъ не менѣе, какъ по внѣшней формѣ культа, такъ и по внутреннему его значенію, совершенно между собою различны. Каждая изъ нихъ составляетъ свой особенный и вполне замкнутый міръ своихъ племенныхъ вѣрованій. Этимъ тремъ племеннымъ областямъ Славянской мѣологии соответствуютъ и три главные ступени ихъ языческой религіи. Первая изъ этихъ ступеней—непосредственное поклоненіе природѣ и стихіямъ; вторая—поклоненіе божествамъ, олицетворяющимъ собою эти явленія, и третья—поклоненіе кумирамъ, уже повелѣвающимъ надъ ними. Западнымъ Славянамъ Балтійскаго поморья и береговъ Лабы (Эльбы) принадлежитъ, по преимуществу, послѣднее, т. е. кумиропоклоненіе, тогда какъ, напротивъ, къ Сербамъ и Хорватамъ относятся прямое непосредственное поклоненіе природѣ, ожив-

ленной народною фантазією толпамъ собирательныхъ духовъ, столь же многочисленныхъ, какъ многоразличныя проявленія въ природѣ однихъ и тѣхъ же ея законовъ. Нашимъ же Русскимъ преданіямъ суждено было служить связующимъ звеномъ между этими двумя крайними ступенями развитія Славянскаго міра, и соединить кумирслуженіе западныхъ племенъ съ поклоненіемъ стихіямъ и явленіямъ природы южныхъ Славянъ. На этой первой ступени развитія антропоморфическаго направленія, человѣкъ, не понимая еще общаго закона единства многоразличныхъ, но сродныхъ явленій, и желая олицетворить каждое отдѣльное явленіе, каждый отдѣльный предметъ въ человѣческую форму, создаетъ въ своемъ воображеніи для cadaго явленія толпу духовъ, не имѣющихъ еще индивидуальнаго значенія, а понятыхъ имъ только какъ коллективы различныхъ проявленій одной и той же силы природы. Отдѣльная личность божества еще сливается въ общемъ родовомъ понятіи, но коллективъ его имѣетъ опредѣленные признаки, какъ, напримѣръ, Водяной Дѣдушка, Лѣшій, Домовой и пр. Мало по малу, эти безчисленные коллективы сливаются въ одну главную индивидуальность, которая или поглощаетъ ихъ въ себѣ, или подчиняетъ своей власти. Такъ, напримѣръ, до сихъ поръ всѣ названія бѣсовъ и демоновъ имѣютъ на всѣхъ языкахъ, при коллективномъ своемъ значеніи, еще другое—собственнаго имени главнаго ихъ предводителя, бѣса бѣсовъ, діавола.

Между тѣмъ, человѣкъ, живя и изучая природу, приобретаетъ съ каждымъ днемъ новыя понятія, вытекающія одно изъ другаго и дробящіяся до безконечности въ его умѣ. Въ этомъ непрерывномъ переходѣ отъ родовыхъ понятій къ болѣе частнымъ, въ этомъ дробленіи человѣческой мысли, лежитъ логическій процессъ развитія всякаго политензма, облекающаго отвлеченнаго понятія въ видимые образы боговъ и кумировъ. На второй ступени своего развитія, язычество для cadaго общаго понятія однороднаго явленія создаетъ отдѣльное лицо, тождественное съ самимъ явленіемъ, и значеніе такого лица опредѣляется единственно значе-

ніемъ конкретно-связаннаго съ нимъ явленія; такъ, напимѣръ, богъ грома, богъ дождя, суть ничто иное, какъ самыя явленія грома, дождя и пр. Посему и внѣшнія формы, и символы этихъ божествъ еще очень безцвѣтны, и даже самыя названія ихъ свидѣлствуютъ о неразвившейся еще личности. Причипа этому та, что эти названія или заимствуются отъ самаго явленія, какъ погода—морозъ, или состояются изъ прилагательныхъ, опредѣляющихъ общее свойство не столько лица, какъ явленія, и требующихъ необходимаго присоединенія существительнаго богъ, панъ, царь и проч., чтобы сдѣлаться собственнымъ именемъ божества, напр. Бѣль-богъ, Добро-панъ, Наръ-морской и пр. Для этихъ божествъ создаетъ народная фантазія свои образы, изустное преданіе ихъ именуешь, и обряды пзъясняютъ ихъ значеніе; но, не смотря на это, образы, имена и атрибуты все еще колеблются въ какой-то таинственной неопредѣленности до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, зодчество не установитъ различныя оттѣнки понятія какого-нибудь божества и не окаменитъ его, такъ сказать, однажды навсегда въ опредѣленные формы.

Здѣсь настаетъ третій періодъ мнѣческаго развитія. Кумиры, переставъ быть средствомъ изображенія, возбуждающимъ народное благоговѣніе, становятся сами предметомъ обоготворенія и поклоненія, и, утративъ конкретное единство своихъ образовъ съ выражаемыми ими понятіями, принимаютъ совершенно индивидуальное значеніе покровителей и распорядителей тѣхъ явленій и силъ природы, съ которыми были прежде тождественны. Этимъ кумирамъ создаются храмы, учреждаются цѣлыя касты жрецовъ для приношенія имъ жертвъ и для отправленія богослуженія; ихъ имена изъ прилагательныхъ, выражающихъ общія свойства природы, обращаются въ имена собственные или замѣняются другими случайными, мѣстными названіями. Словомъ, кумиры получаютъ вполне опредѣленную объективную индивидуальность.

Народъ, болѣе и болѣе сродняясь съ своими божествами посредствомъ ихъ человѣческихъ формъ, вскорѣ невольно

передаетъ имъ, въ своемъ воображеніи, всѣ свои страсти, и оживляетъ ихъ бездушные истуканы физическою дѣятельностію человѣка. Боги начинаютъ жить земною жизнью, подвергаясь, кромѣ смерти, всѣмъ ея случайностямъ, и изъ образной объективности переходятъ къ дѣйствительному субъективному существованію: они вступаютъ въ узы брака и родства, и новые кумиры не только уже, какъ понятія, путемъ мысли, вытекаютъ изъ своихъ первообразовъ, но рождаются отъ нихъ физическимъ рожденіемъ человѣка.

По нашему мнѣнію, Славянскій міѡзъ не доросъ до этой субъективности его боговъ, хотя многіе полагаютъ, что эта послѣдняя степень развитія только затеряна въ народной памяти, но все же когда-то существовала и у насъ наравнѣ съ другими народами древности. Не ставемъ оспаривать здѣсь это мнѣніе, но фактъ остается все тотъ же, что для насъ, въ настоящее время, эта субъективная жизнь Славянскихъ кумировъ не существуетъ.

И такъ, Славянскую міѡлогію, по ея развитію, можно раздѣлить на три эпохи: духовъ, божествъ природы, и боговъ-кумировъ.

Это раздѣленіе подтверждается отчасти и словами Святаго Григорія (Паисіевскаго сборника), ясно указывающими на три различные періода языческаго богослуженія: «Начаша требы класти роду і рожаницамъ переже Перуна бога ихъ, а переже того клали требы упиремъ и берегинямъ».

Подтвержденіе того же найдемъ мы и въ самомъ постепенномъ введеніи христіанства между Славянами. Такъ, на примѣръ, въ преданіяхъ южныхъ Славянъ, прежде другихъ принявшихъ христіанскую вѣру, преобладаютъ преимущественно коллективные духи, кумиры же у нихъ вовсе не встрѣчаются. Въ Моравіи, Богеміи, Польшѣ и Россіи, при существованіи нѣкоторыхъ даже кумировъ, большая часть боговъ — божества природы, принадлежащія второй эпохѣ, когда, напротивъ, у Полабовъ и Поморянъ коллективы совершенно исчезаютъ и вся религія сосредоточивается на нѣкоторыхъ главныхъ объективныхъ личностяхъ Арконскихъ и

Ретрайскихъ идоловъ. Иногда даже замѣчаются, при преобладаніи объективныхъ кумировъ, нѣкоторые признаки перехода боговъ къ жизни субъективной. Такъ, напримѣръ, объ лошади Свѣтовита шло повѣрье, что самъ богъ ѣздилъ на пей по почамъ, а Перунъ въ Новгородѣ заговорилъ человѣческимъ голосомъ и бросилъ палицу свою въ Волховъ.

Обращая вниманіе на самое богослуженіе Славянскаго язычества, мы найдемъ также и въ немъ полное подтвержденіе нашего мнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, хотя свѣдѣнія, дошедшія до насъ, о богослужебныхъ обрядахъ Славянъ скудны и недостаточны, но совсѣмъ тѣмъ они ясно носятъ на себѣ печать какой-то разнохарактерности, которую, по нашему мнѣнію, только и можно объяснить различными временами религіознаго развитія. Если же мы на обряды богослуженія распространимъ наше общее раздѣленіе Славянскаго міа, то этимъ не только подтвердимъ предложенное раздѣленіе, но и объяснимъ самые факты, которые, взятые вмѣстѣ, часто противорѣчатъ другъ другу.

Въ самомъ дѣлѣ, въ первую эпоху нашего міа, человекъ, не зная даже личныхъ боговъ, естественно не имѣлъ ни опредѣленныхъ мѣстъ богослуженія, ни опредѣленныхъ лицъ для совершенія его, и какъ божества были неотдѣльно слиты съ самими явленіями природы, которымъ они служили аллегоріями. то и естественно, что человекъ приносилъ свои жертвы непосредственно самимъ явленіямъ. Уже Прокопій свидѣтельствуетъ, что Славяне приносили жертвы рѣкамъ и нимфамъ; и донинѣ сохранились еще обычай и обряды бросанія вѣнковъ, яствъ и денегъ въ рѣки, колодцы и озера. «Не нарицайте себѣ бога ни въ каменіи, ни въ студенцахъ, ни въ рѣкахъ», говорится въ Словѣ Кирилла, а Несторъ также прямо упоминаетъ, что «кладеземъ и озерамъ жертву приношаху». Обычай вѣшать на вѣтви деревь и класть на камни или у корня стараго дуба дары, приносимые человекомъ невидимымъ духамъ, вполне подтверждаетъ нашу мысль, что жертвы приносились нѣкогда самимъ явленіямъ природы. Эти жертвы приносилъ всякій, безъ по-

средства особенныхъ, для того назначенныхъ жрецовъ; впрочемъ, эту должность, въ большіе народные праздники, отправляли, быть можетъ, старцы, которые въ народной и гражданской жизни Славянъ пользовались всегда великими правами.

Съ болѣе точнымъ опредѣленіемъ значенія божествъ природы, стали опредѣляться и мѣста жертвоприношеній и молитвъ. Дѣйствительно, у Славянъ, до существованія кумировъ и слѣдовательно до построенія имъ храмовъ, были извѣстныя мѣста, на которыхъ они привыкли молиться какому-нибудь божеству. Это подтверждается многими свѣдѣтельствами. Такъ Константинъ Порфирородный говоритъ, что Руссы приносили жертвы на Диѣпровскомъ островѣ Св. Георгія; Сефридъ говоритъ о дубѣ, гдѣ живетъ какой-то богъ, которому приносилась жертвы; Гельмольдъ, Дитмаръ, Саксонъ и Андрей, жизнеописатель Святаго Оттопа Бамбергскаго, знали у Полабскихъ Славянъ множество священныхъ рощей, гдѣ поклонялись какому-нибудь священному дереву, въ позднѣйшее время замѣненному иногда встуканомъ какого-нибудь бога.

Къ разряду мѣстъ, посвященныхъ богослуженію, надобно причислить еще священные горы, холмы и всѣ многочисленныя городища (Rundwaelle), а наконецъ, какъ переходъ къ послѣдней эпохѣ Славянскаго міра, и нѣкоторыя капища, какъ храмъ Ютербока, котораго устройство ясно доказываетъ, что въ немъ не было идола, но просто обоготворялось явленіе перваго луча восходящаго солнца. Храмъ этотъ освѣщался только однимъ небольшимъ отверстіемъ, которое было обращено на восточную сторону такъ, что онъ озарялся свѣтомъ только при восходѣ солнца; Арабскій писатель Массуди также упоминаетъ объ одномъ Славянскомъ храмѣ, въ куполѣ котораго было сдѣлано отверстіе для наблюденія восхожденія солнца.

При опредѣленныхъ мѣстностяхъ необходимо должны были существовать и опредѣленные лица для совершенія богослужебныхъ обрядовъ, но вѣроятно они еще не составляли зам-

кнutoй касты жрецовъ. Не были ли то Волхвы, Вѣщіе и Кудесники (чудесники), лица, не посвятившіяся въ это званіе, но вызваппыя минутнымъ вдохновеніемъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить назначеніе Волхвовъ, которые, подобно жрецамъ другихъ народовъ, гадали и предсказывали будущее.

Съ появленіемъ кумировъ, опредѣляются особенные обряды для богослуженія, появляются богатая капища, и образуется цѣлая каста служителей и жрецовъ, которые, пользуясь суевѣрнымъ страхомъ народа къ кумиру, не только обогащаются его дарами, но и завладѣваютъ часто политическою властію его царей. Такъ было въ Рюгенѣ и у Редарянъ.

Праздники, жертвы, обряды и гаданія, все сосредоточивается вокругъ кумира и его служителей, и окружается для народа какою-то недоступною таинственностію, подъ которою легко отыскать хитрые обманы корыстолюбивыхъ жрецовъ. Послѣдняя черта рѣзко раздѣляетъ все богослуженіе нашихъ предковъ на двѣ, совершенно отдѣльныя, половины: непосредственнаго поклоненія явленіямъ природы, и чистаго идолослуженія. Первая, подобно вѣрѣ въ духовъ и божества природы, и поныпѣ не искоренилась еще изъ быта простаго народа: его праздники, пѣсни, гаданія, суевѣрія, все носитъ на себѣ печать этихъ временъ язычества и служить намъ матеріалами для его изученія; тогда какъ отъ временъ чистаго идолопоклонства все исчезло—и развратъ вакхическихъ пиршествъ, и возмутительныя кровавыя жертвоприношенія, и богатые храмы, и чудовищныя истуканы, все, нерѣдко даже имена этихъ кумировъ. Самый фактъ изглаживанія изъ народной памяти всего, что относится къ послѣднему періоду нашего міа, доказываетъ намъ новизну идолослуженія между Русскими Славянами, не успѣвшаго еще твердо у нихъ укорениться, и разрушеннаго, вмѣстѣ съ самими кумирами, при первомъ появленіи христіанства. Въ этомъ заключается, можетъ быть, причина, почему между восточными Славянами христіанство не только почти не встрѣтило нигдѣ сопротивленія, но что сами язычники при-

зывали къ себѣ проповѣдниковъ новой вѣры. Нельзя не замѣтить здѣсь, что эти двѣ, совершенно отдѣльныя эпохи, обоготворенія природныхъ явленій и позднѣйшаго кумирослуженія, отозвались въ дошедшихъ до насъ свѣдѣнїяхъ (собственно Русской мѣологии) въ раздѣленїи этихъ свѣдѣнїй, по ихъ источникамъ, на народныя повѣрья и историческія данныя. Одни дошли до насъ, путемъ изустнаго преданія, въ суевѣрныхъ обрядахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и различныхъ изреченїяхъ простаго народа, тогда какъ другіе сохранились въ лѣтописяхъ и письменныхъ памятникахъ нашей исторической старины.

Божества изустнаго преданія живутъ и донынѣ въ народномъ суевѣрїи, и ихъ имена извѣстны почти всякому Русскому простолюдину; о кумирахъ же письменнаго преданія мы не находимъ въ народѣ ни малѣйшаго воспоминанія, и не сохранись они намъ въ лѣтописяхъ и духовныхъ сочиненїяхъ средневѣковой нашей литературы, имена этихъ кумировъ остались бы навсегда для насъ неизвѣстны.

Изъ немногихъ, до насъ дошедшихъ, собственныхъ именъ боговъ-кумировъ мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣдѣнїй не только объ личности этихъ божествъ, но даже и о наружной формѣ ихъ истукановъ. Объ одномъ только Перунѣ знаемъ, что онъ былъ сдѣланъ изъ дерева съ серебряной головой и золотымъ усомъ, да что была у него палица, которую Новгородскій истуканъ бросилъ въ Волховъ. Эти боги не имѣютъ особыхъ символовъ и атрибутовъ, и наше воображеніе ни чѣмъ не можетъ руководствоваться для возсозданія этихъ идолицъ при встрѣчѣ ихъ именъ въ нашихъ лѣтописяхъ.

При такомъ отсутствїи всякой опредѣленной наружности, кажется невозможнымъ допустить существованіе субъективной личности этихъ кумировъ, и намъ скорѣе вѣрится, что они не доросли до индивидуальной жизни Торовъ и Одиновъ, Юпитеровъ и Аполлоновъ, чѣмъ предположить, что *биографическіе миры* (если смѣемъ такъ выразиться) нашихъ божествъ могли до того исчезнуть изъ народной